



№ 23 1997

КОНЦЕРТЫ "ЦИРКА ОЛИМП"

САМИЗДАТ ВЕКА:

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ

Неподалеку от Большой Бронной, почти рядом - в Южинском переулке - был когда-то небольшой старинный дом, куда я хаживал в конце пятидесятих годов в такую загадочную "Секту сексуальных мистиков". По темным углам квартиры чудились всякого рода призраки и оргии, но оттуда появлялись исключительно интеллектуальные фигуры "архивных" юношей, мелькали и бледные девушки - так называемые "дочки" Юрия Витальевича (по имени-отчеству хозяина звали, как говорится, с молодых ногтей). Я думаю, секс и мистика были просто флюидами, которые во множестве излучал на "посвященных" Юрий Витальевич Мамлеев. Когда при свете настольной лампы он читал вкрадчивым шепотом свои творения - прозу или стихи, создавалась особая интимно-сладковатая атмосфера, и мы погружались в нее, как в теплую ванну. Несмотря на описываемые ужасы и барачно-затхлую обстановку, это не была реальность, это была именно реальная нереальность, все происходило не снаружи, а внутри человека, вернее, писателя и поэта Юрия Витальевича Мамлеева.

При господстве бетонной однозначной идеологии, думаю, именно такое творчество власть должна была принять на свой счет, но она почему-то не преследовала автора. Все-таки не зря Юрий Витальевич все время опасался, озирался, оглядывался и предпочитал никому не давать своих, написанных в тонких ученических тетрадках, сочинений. Ведь там было такое - "и все про наших советских людей"!

Кое у кого сохранились, может быть, аудиозаписи, да и то на больших бобинах, поскольку такие неуклюжие были тогда магнитофоны у нас. Между тем слухом полнилась российская земля, и Москва, и Ленинград. Слишком уж необычный был мир, который показывал Мамлеев. И над всем превалировало ожидание Антихриста. Осторожность в обращении с людьми Юрий Витальевич сохранил до сих пор, он как будто ждет, что вот собеседник взорвется и из него полезет такая гнусность...

Первые книги вышли у Мамлеева за рубежом в восьмидесятых, когда он жил уже в эмиграции.

Вот что он сам пишет про свои стихи:

"О МОИХ СТИХАХ"

Я, как известно, прозаик. Стихи играют в моем творчестве дополняющую роль. Они написаны от имени моих героев. Но некоторые из них - просто описание моих персонажей (таких, например, много в цикле "Монстры"). Другие созданы от лица довольно конкретных героев моих рассказов. Естественно, мне было легко "переселяться" в них и из их "нутра" писать эти стихотворения. Но есть некоторое обобщающее Лицо - метагерой, от имени которого написаны наиболее завершенно-философские циклы стихотворений."

ГЕНРИХ САПГИР

ИЗ ЦИКЛА "БЕЗУМНАЯ ЛИРИКА"

* * *

Не умру... Перед Господом-Богом
Я клянуся... Кругом чудеса...
Надо мной, над дурой убогой
Что ни вечер поют голоса.

Пропоеет и пропляшет, родимый,
Дождик теплый меня окропит.
Вот он тихий выходит, без имени,
И со мной о душе говорит.

Помолюсь за врагов и за лишних.
Даже черту хочу благодать.
Как блаженно бездомной и нищей
Будет мне у пенька умирать.

Ветер в поле меня не развеет.
Дух мой Богом пронизан до дна.
Надо мной, над дурой убогой
Каждый вечер поют голоса.

* * *

Только плакать в могиле не надо.
Сон веселый приснится тебе.
И появишься белый и голый
На воздушном и теплом коне.

Конь зафыркает. Крылья расправит.
Полетишь, голубой, в небеса.
От земли кто-то крикнет: "Родной мой!"
Но вдали - тишина... Голоса...

Сон окончится. Бедный и странный,
Ты не спишь, ты - забытый на дне.
Кто там вертится, плачет, играет?!
Это мышь? Это ты на коне.

* * *

Черный шепот запряган в пещеры,
Черный корень схоронен в земле.
Слышишь: черти, и шиши, и звери
Сговорились сегодня во сне.

Слышишь: змеи в лесу прошептали,
Что умрешь ты в полуденный час.
Будь же тих, как погибшие твари.
Вечный ужас окутает нас.

* * *

Вот и вечер. Тьмою просветлело.
Души мертвых плачут в тишине.
Где мы? В бездне, в поле, в тлене?
Иль мы просто тени на луне?

Нежным светом души загорелись,
Голубой дымок восходит от ума.
Бог умерших, тихо и без цели,
Первый раз открыл свои глаза.

Время пало. Звезды побледнели.
Миг один - и кончится душа.
Боже мертвых тихо и без цели
Сразу опустил свои глаза.

* * *

Подними свой лик, мой нежный мальчик!
Я устал. Я умер на земле.
Где ты? Будем слушать, молча,
Голос твой молчавший столько лет.

Ты недолго царствовал над нами,
Страшен был укус в полночной тьме.

Голова твоя, как озеро Валдая,
Заблудилась в нашей кутерьме.

В нашей тьме не видно даже мертвых.

Знаешь ты, откуда ты пришел?
Говори. Поведай, мальчик, кротко
Нам про вечность и про острый кол.

Из цикла "МОНСТРЫ"

* * *

Не молись на меня, моя детка.
Просто я - неживой идиот.
Запереть меня надобно в клетке
И показывать бесам вперед.

Я не плачу, не сплю, и не спорю.
Обнажу-ка свой трупный живот.
И увижу, приехав на море,
Своей собственной рожи восход.

* * *

Вот ушел от уснувшей свиньи.
И пойду - далеко, далеко.
Виден пик одинокой горы,
С того света кричат: И-го-го!

Не уйти, не уйти от свиньи.
Вот опять она спит на горе...
Между тем на луне моряки
Раздевают босого кюре...

* * *

За стеной умирает сосед.
Бесконечно кричит: У-уу!
Доедаю я сытный обед
И плюю в голубую стену.

Только слышу я вой: У-уу!
Не сбежать мне теперь от него.
Лучше я превращусь в кенгуру
И надену пиджак с рукавом.

Непонятно теперь: У-уу!
Я попрыгаю вокруг абажура.
В голубую стену постучу
И появится смрадная Дура.

* * *

Хохотушкин, нелепый и жуткий,
Бродит гнойно по черным углам.
Одинокие окна-ублюдки
Отдаются угрюмым мечтам.

Прошуршит, поцелует перила.
Обольется астральной слезой.
Скажет: Где-то в пространстве завывало,
Где-то пахнет поганой судьбой.

Подойдя к пусто-черному баку,
Смачно влезет в него с головой.
Его хохот, подъятый на страхе,
Собеседует сам с собой.

* * *

Из милого и высшего бреда
Он выходит, одетый в Ничто.
Есть в нем что-то от синего Деда,
И его не узнает никто.
Он бредет, одинокий и зыбкий,
И за ним - расстилается мрак,
От его непонятной улыбки
Исчезает у странников страх.
И его нам бояться не надо:
Он и сам весь от ужаса сед.
На спине его тихие гады
Ожидают вселенский рассвет.